

ЧЁРНОЕ ПАЛЬТО

ГИГИЕНА

Однажды в квартире семейства Р. раздался звонок, и маленькая девочка побежала открывать. За дверью стоял молодой человек, который на свету оказался каким-то больным, с тонкой, блестящей розовой кожицей на лице. Он сказал, что пришёл предупредить о грозящей опасности. Что вроде бы в городе началась эпидемия вирусного заболевания, от которого смерть наступает за три дня, причём человека вздувает и так далее. Симптомом является появление отдельных волдырей или просто бугров. Есть надежда остаться в живых, если строго соблюдать правила личной гигиены, не выходить из квартиры и если нет мышей, поскольку мыши — главный источник заражения, как всегда.

Молодого человека слушали бабушка с дедушкой, маленькая девочка и её отец. Мать была в ванной.

— Я переболел этой болезнью, — сказал молодой человек и снял шляпу, под которой был совершенно голый розовый череп, покрытый тончайшей, как плёнка на закипающем молоке, кожицей. — Мне удалось спастись, я не боюсь повторного заболевания и хожу по домам, ношу

хлеб и запасы, если у кого нет. У вас есть запасы? Давайте деньги, я схожу, и сумку побольше, если есть — на колёсиках. В магазинах уже большие очереди, но я не боюсь заразы.

— Спасибо, — сказал дедушка, — нам не надо.

— В случае заболевания всех членов семьи оставьте двери открытыми. Я выбрал себе то, что по силам, четыре шестнадцатизэтажных дома. Тот из вас, кто спасётся, может так же, как я, помогать людям, спускать трупы и так далее.

— Что значит спускать трупы? — спросил дедушка.

— Я разработал систему эвакуации трупов путём сбрасывания их в мусоропровод. Понадобятся полиэтиленовые мешки больших размеров, вот не знаю, где их взять. Промышленность выпускает двойную плёнку, её можно приспособить, но где взять деньги, всё упирается в деньги. Эту плёнку можно резать горячим ножом, автоматически сваривается мешок любой длины. Горячий нож и двойная плёнка.

— Нет, спасибо, нам не надо, — сказал дедушка.

Молодой человек пошёл дальше по квартирам, как попрошайка, просить денег; как только захлопнули за ним дверь, он звонил уже у соседних дверей, и там ему открыли на цепочку, так что он вынужден был рассказывать свою версию и снимать шляпу на лестнице, в то время как его наблюдали в щель. Слышно было, что ему кратко ответили что-то и захлопнули дверь, но он всё не уходил, не слышно было шагов. Потом дверь опять открылась на цепочку, кто-то ещё желал

послушать рассказ. Рассказ повторился. В ответ раздался голос соседа:

— Если есть деньги, сбегай, принеси десять поллитровок, деньги отдам.

Послышались шаги, и всё утихло.

— Когда он придёт, — сказала бабушка, — пусть уж нам принесёт хлеба и сгущёнки... и яиц. Потом надо капусты и картошки.

— Шарлатан, — сказал дедушка, — хотя не похож на обожжённого, это что-то другое.

Наконец встрепенулся отец — это были не его родители, а жены, и он не особенно поддерживал их во всём, что бы они ни говорили. Они тоже его не спрашивали. По его мнению, что-то действительно начиналось, не могло не начаться, он чувствовал это уже давно и ждал. Его охватила какая-то оторопь. Он взял девочку за руку и повёл её вон из прихожей, чтобы она не торчала там, когда таинственный гость постучит в следующую квартиру: надо было с ним как следует потолковать, как мужик с мужиком, — чем он лечился, какие были обстоятельства.

Бабушка с дедушкой, однако, остались в прихожей, потому что они слышали, что лифта никто не вызвал и, стало быть, тот человек пошёл дальше по этажу; видимо, он собирал деньги и сумки сразу, чтобы не бесконечно бегать в магазин. Или ему ещё никто не дал ни денег, ни сумок, иначе он уже бы давно уехал вниз на лифте, ибо к шестому этажу должно было набраться поручений. Или же он действительно был шарлатан и собирал деньги просто так, для себя, как уже однажды в своей

жизни бабушка напоролась на женщину, которая вот так, сквозь щёлочку, сказала ей, что она из второго подъезда, а там умерла женщина шестидесяти девяти лет, баба Ньюра, и она по списку собирает ей на похороны, кто сколько даст, и предъявила бабушке список, где стояли росписи и суммы: тридцать копеек, рубль, два рубля. Бабушка вынесла рубль, хотя тёти Ньюры так и не вспомнила, и немудрено, потому что пять минут спустя позвонила в дверь хорошая соседка и сказала, что это ходит не известная никому аферистка, а с ней двое мужиков, они ждали её на втором этаже, и они только что с деньгами скрылись из подъезда, список бросили.

Бабушка с дедушкой стояли в прихожей и ждали, потом пришёл отец девочки Николай и тоже стал прислушиваться, наконец вышла из ванной Елена, его жена, и громко стала спрашивать, что такое, но её остановили.

Но звонков больше не раздавалось на лестнице. То есть ездил лифт туда-сюда, даже выходили из него на их этаже, но потом гремели ключами и хлопали дверьми. Но всё это был не тот человек в шляпе. Он бы позвонил, а не открывал бы дверь своим ключом.

Николай включил телевизор, поужинали, причём Николай очень много ел, в том числе и хлеб, и дедушка не удержался и сделал ему замечание, что ужин отдай врагу, а Елена заступилась за мужа, а девочка сказала: «Что вы орёте», и жизнь потекла своим чередом.

Ночью внизу, судя по звуку, разбили очень большое стекло.

— Витрина булочной, — сказал дедушка, выйдя на балкон. — Бегите, Коля, запасайтесь.

Стали собирать Николая, пока собирали, подъехала милицейская машина, кого-то взяли, поставили милиционера, отъехали. Николай пошёл с рюкзаком и ножом, их там внизу оказалась целая группа людей, милиционера окружили, подмяли, через витрину стали впрыгивать и выпрыгивать люди, кто-то подрался с женщиной, отобрал у неё чемодан с хлебом, ей зажали рот и утащили в булочную. Народу внизу прибывало. Наконец пришёл Николай с очень богатым рюкзаком — тридцать килограммов сушек и десять буханок хлеба. Николай снял с себя всё и кинул в мусоропровод, сам в прихожей протёрся с головы до ног одеколоном, все ватки выкинул в пакете за окно. Дедушка, который был доволен всем происходящим, заметил только, что придётся дорожить одеколоном и всеми медикаментами. Заснули. Утром Николай за завтраком один съел полкило сушек за чаем и шутил по этому поводу: «Завтрак съешь сам». Дедушка был со вставными зубами и тосковал, размачивая сушки в чае. Бабушка замкнулась в себе, а Елена всё уговаривала девочку есть побольше сушек. Бабушка наконец не выдержала и сказала, что надо установить норму, не каждую же ночь грабить, вон и булочную заколотили, всё вывезли. Подсчитали запасы, поделили всё на пайки. Елена в обед отдала свой паёк девочке, Николай был как чёрная туча и после обеда один съел буханку чёрного хлеба. Продовольствия

должно было хватить на неделю, а потом наступала крышка. Николай и Елена позвонили на работу, но ни на работе Николая, ни у Елены никто не брал трубку. Звонили знакомым, все сидели по домам. Все ожидали. Телевизор перестал работать, там свистела частотка. На следующий день телефон уже не соединял. Внизу, на улице, ходили прохожие с рюкзаками и сумками, кто-то волок спиленное дерево небольшого размера. Возник вопрос, как быть с кошкой — зверёк второй день ничего не получал и ужасно мяукал на балконе.

— Надо впустить и кормить, — сказал дедушка. — Кошка — ценное свежее витаминное мясо.

Николай впустил кошку, её покормили супом, не особенно много, чтобы не перекормить после голодовки. Девочка не отходила от кошки, те два дня, когда кошка мяукала на балконе, девочка всё рвалась к ней, а теперь её кормила в своё удовольствие, даже мать вспылила: «Отдаёшь ей то, что я отрываю от себя для тебя».

Кошку, таким образом, покормили, но продовольствия оставалось на пять дней. Все ждали, что что-нибудь будет, кто-нибудь объявит мобилизацию, но на третью ночь заревели моторы на улицах, и город покинула армия.

— Выйдут за пределы, оцепят карантин, — сказал дедушка. — Ни в город, ни из города. Самое страшное, что всё оказалось правдой. Придётся идти в город за продуктами.

— Одеколон дадите — пойду, — сказал Николай. — Мой почти весь.

— Всё будет ваше, — сказал дедушка многозначительно, но и уклончиво. Он сильно похудел. — Счастье ещё, что работают водопровод и канализация.

— Тьфу тебе, сглазишь, — сказала бабушка.

Николай ушёл ночью в гастроном, он взял с собой рюкзак и сумки, а также нож и фонарик. Он вернулся, когда было ещё темно, разделся на лестнице, бросил в мусоропровод одежду и голый обтёрся одеколоном. Вытерев подошву, он ступил в квартиру, затем вытер другую подошву, ватки бросил в бумажке вниз. Рюкзак он поставил кипятиться в баке, сумки тоже. Добыл он немного: мыло, спичек, соль, полуфабрикаты ячменной каши, кисель и ячменный кофе. Дедушка был очень рад, он пришёл в полный восторг. Нож Николай обжигал на газовом пламени.

— Кровь — самая большая инфекция, — заметил дедушка, ложась под утро спать.

Продовольствия, как посчитали, должно было теперь хватить на десять дней, если питаться киселем, кашами и всего есть понемножку.

Николай стал каждую ночь ходить на промысел, и возник вопрос с одеждой. Николай стал её складывать ещё на лестнице в полиэтиленовый мешок, нож всё время прокаливал. Но ел он по-прежнему много, правда, теперь уже без замечаний со стороны дедушки.

Кошка худела день от дня, шкурка её обтянула, обеды, ужины и завтраки проходили в мучениях, так как девочка всё время старалась что-нибудь бросить на пол кошке. Елена начала просто бить

по рукам. Все кричали. Кошку выводили, она бросалась об дверь.

Однажды это вылилось в страшнейшую сцену. Девочка пришла с кошкой на руках на кухню, где находились дедушка и бабушка. Рот у кошки и у девочки был измазан чем-то.

— Вот, — сказала девочка и поцеловала, наверное, не в первый раз, кошку в поганую морду.

— Что такое? — воскликнула бабушка.

— Она поймала мышку, — ответила девочка. — Она её съела. — И девочка снова поцеловала кошку в рот.

— Какую мышку? — спросил дедушка, они с бабушкой оцепенели.

— Такую, серую мышку.

— Вздутую? Толстую?

— Да, толстую, большую. — Кошка на руках у девочки начала вырываться.

— Держи крепче! — сказал дедушка. — Иди в свою комнату, детка, иди. Иди с кошечкой. Ах ты, гадина, ах, сволочь. Доигралась с кошкой, дрянь такая. А? Доигралась?

— Не ори, — сказала девочка и быстро убежала к себе.

Следом за ней пошёл дед и побрызгал все её следы одеколоном из пульверизатора. Потом он запер дверь в детскую на стул, потом позвал Николая, тот спал после бессонной ночи, с ним спала и Елена. Они проснулись. Всё было обсуждено. Елена начала плакать и рвать на себе волосы. Из комнаты девочки доносился стук.

— Пустите, откройте, мне в туалет, — со слезами кричала девочка.

— Слушай меня, — кричал Николай, — не ори!

— Пусти, пусти! Сам не ори! Пустите!

Николай и остальные ушли в кухню. Елену пришлось держать запертой в ванной. Она тоже стучала в дверь.

К вечеру девочка уgomонилась. Николай спросил, ходила ли она в туалет. Девочка с трудом отвечала, что да, ходила в трусы, и попросила попить.

В комнате девочки находилась детская кровать, раскладушка, шифоньер с вещами всей семьи, запертый на ключ, ковёр и полки с книгами. Уютная детская комната, которая теперь волей случая превратилась в карантин. Николай прорубил в двери что-то вроде оконца и велел девочке принять на первый случай бутылку на верёвочке, где был суп с хлебными крошками, всё вместе. В эту бутылку девочке велено было мочиться и выливать в окно. Но окно было заперто на верхний шпингалет, девочка так до него и не дотянулась, да и с бутылкой было придумано плохо. Вопрос с экскрементами должен был решиться просто — выдирался лист или два из книги, на него испражнялись и выбрасывали в окно. Николай сделал из проволоки рогатку и пробил, выстрелив три раза, довольно большую дыру в окне.

Девочка, правда, показала все плоды своего воспитания и испражнялась неряшливо, не на бумагу, не успевала сама следить за своими желаниями. Её по двадцать раз на дню спрашивала

Елена, не хочет ли она ка-ка, она отвечала, что не хочет, и в результате оказывалась измаранной. Кроме того, трудно было с питанием. Бутылок и верёвок было ограниченное количество, верёвка каждый раз отрезалась, и девять бутылок валялось в комнате к тому моменту, когда девочка перестала подходить к двери, вставать и отвечать на вопросы. Кошка, видимо, не вставала с тела девочки, она, правда, не появлялась в поле зрения давно, с тех пор как Николай стал охотиться на неё с рогаткой, поскольку девочка скармливала кошке почти половину того, что сама получала в бутылке, всё это выливалось ей на пол. Девочка не отвечала на вопросы, кровать её стояла у стены и не попадала в поле зрения.

Трое предшествующих суток, борьба за устройство жизни девочки, все эти нововведения, попытки как-то научить девочку подтираться (до сих пор это делала за неё Елена), передача воды, чтобы она как-то умылась, все эти уговоры, чтобы девочка подошла под дверной глазок за бутылкой (один раз Николай хотел помыть девочку, вылив на неё бидон горячей воды вместо подачи корма, и тогда она стала бояться подходить к двери), — всё это настолько буквально стёрло в порошок обитателей квартиры, что, когда девочка перестала отзывать, все легли и заснули очень надолго.

Но потом всё завершилось очень скоро. Проснувшись, бабушка с дедушкой в своей постели обнаружили кошку со всё той же окровавленной мордой — видимо, кошка ела девочку, но вылезла через отдушину — попить, что ли. Ай, ой,

закричали, застонали бабушка с дедушкой, на что в ответ возник в дверях Николай и, выслушав все плачи, просто захлопнул дверь и завозился с той стороны, запирая дверь на стул. Дверь не только не стала открываться, но и отдушины Николай не сделал, отложили это. Елена кричала и хотела снять стул, но Николай запер её в ванной — снова.

А Николай лёг на кровать и начал вздуваться, вздуваться, вздуваться. Прошлой ночью он убил женщину с рюкзаком, а она, видимо, была уже больна, так что не помогла дезинфекция ножа над газом, — кроме того, Николай тут же, на улице, над рюкзаком поел концентрата ячменной каши, хотел попробовать и, на тебе, всё съел.

Николай всё смекнул, но поздно, когда уже стал вздуваться. Вся квартира грохотала от стуков, мяукала кошка, в верхней квартире тоже дело дошло до стука, а Николай всё тужился, пока наконец кровь не пошла из глаз, и он умер, ни о чём не думая, только всё тужась и желая освободиться.

И дверь на лестницу никто не открыл, а напрасно, потому что, неся хлеб, шёл по квартирам тот молодой человек, а в квартире Р. все стуки уже утихли, только Елена немного скреблась, исходя кровью из глаз, ничего не видя, да и что было видеть в абсолютно тёмной ванной, лёжа на полу.

Почему молодой человек пришёл так поздно? Да потому, что у него очень много было на участке квартир, четыре громадных дома. И второй раз молодой человек пришёл в этот подъезд только вечером на исходе шестого дня, через три дня после того, как затихла девочка, через сутки после

исхода Николая, через двенадцать часов после исхода Елениных родителей и через пять минут после Елены.

Однако кошка всё мяукала, как в том знаменитом рассказе, где муж убил жену и заложил её кирпичной стеной, а следствие пришло и по мяуканью в стене разобралось, в чём дело, поскольку вместе с трупом в стене был замурован любимый кот хозяйки и жил там, питаясь её мясом.

Кошка мяукала, и молодой человек, услышав единственный живой голос в целом подъезде, где уже утихли, кстати, все стуки и крики, решил бороться хотя бы за одну жизнь, принёс железный ломик, которым дворники скалывают зимой лёд, — а теперь он валялся во дворе весь в крови, — и взломал дверь. А что же он увидел? Чёрная знакомая гора в ванной, чёрная гора в проходной комнате, две чёрные горы за дверью, запертой на стул, оттуда и выскользнула кошка. Кошка ловко прыгнула в отдушину, грубо выбитую ещё в одной двери, и там послышался человеческий голос. Молодой человек снял и этот стул и вошёл в комнату, усеянную стеклом, сором, экскрементами, вырванными из книг страницами, безголовыми мышами, бутылками и верёвками. На кровати лежала девочка с лысым черепом ярко-красного цвета, точно таким же, как у молодого человека, только краснее. Девочка смотрела на молодого человека, а на подушке её сидела кошка и тоже пристально смотрела.

НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ

ХРОНИКА КОНЦА XX ВЕКА*

Мои папа с мамой решили быть самыми хитрыми и в начале всех дел удалились со мной и с грузом набранных продуктов в деревню, глухую и заброшенную, куда-то за речку Мору. Наш дом мы купили за небольшие деньги, и он стоял себе и стоял, мы туда ездили раз в году на конец июня, то есть на сбор земляники для моего здоровья, а затем приезжали в августе, когда по заброшенным садам можно уже было набрать яблок, терновки-сливки и одичавшей мелкой чёрной смородины, а в лесах была малина и росли грибы. Дом

* Из интервью Станислава Лема «Новой газете», 12 декабря 1997 г.:

С. Лем: В толстых журналах меня больше интересует не беллетристика, а разные страшные рассказы о советском прошлом. Помню такой поразительный рассказ «Советский Робинзон» о москвиче, который, когда начались в тридцать каком-то году процессы и ссылки, взял рюкзак, лопату, жену, ребёнка, ушёл в тундру и там укрылся. Это была история, описанная его дочерью, подлинная.

С. Доренко: Это очень похоже на «Новые Робинзоны» Людмилы Петрушевской, где действие происходит в постперестроечном будущем, так что, в сущности, это фантастика.

С. Лем: Не знаю, так мне запомнилось.

был куплен как бы на развал, мы жили и пользовались им, ничего не поправляя, пока в один прекрасный день отец не договорился с шофёром, и мы весной, как только просохло, отправились в деревню с грузом продуктов, как Робинзоны, со всяким садовым инвентарём, а также с ружьём и собакой борзой Красивой, которая, по всеобщему убеждению, могла брать осенью зайцев в поле.

И отец начал лихорадочные действия, он копал огород, захватив и соседний участок, для чего перекопал столбы и перенёс изгородь несуществующих соседей. Вскопали огород, посадили картофеля три мешка, вскопали под яблонями, отец сходил и нарубил в лесу торфа. У нас появилась тачка на двух колёсах, вообще отец активно шуровал по соседним заколоченным домам, заготавливал что под руку попадётся: гвозди, старые доски, толь, жёсть, вёдра, скамейки, ручки дверные, оконные стёкла, разное хорошее старьё типа бадеек, прялок, ходиков и разное ненужное старьё вроде каких-то чугунков, чугунных дверок от печей, заслонок, конфорок и тому подобное. Во всей деревне было три старухи: Анисья, совсем одичавшая Марфутка и рыжая Таня, у которой единственной было семейство и к которой на своём транспорте наезжали дети, что-то привозили, что-то увозили, привозили городские банки консервов, сыр, масло, пряники, увозили солёные огурцы, капусту, картошку. У Тани был богатый погреб, хороший крытый двор, у неё жил какой-то замученный внук Валерочка, вечно страдавший то ушами, то коростой. Сама же Таня была медсестра по образованию, а образование она получила в лагере на

Колыме, куда Таня была отправлена за украденного из колхоза поросёнка в возрасте семнадцати лет. У Тани не зарастала народная тропа, у неё топились печка, к ней приходила пастушиха Верка из соседней обитаемой деревни под названием Тарутино и кричала ещё издали, я наблюдала: «Таня, чаю попить! Таня, чаю попить!» Бабка Анисья, единственный человек в деревне (Марфутка не в счёт, а Таня была не человек, а преступник), сказала нам, что Таня в своё время была здесь, в Море, завмедпунктом и чуть ли не главным человеком, у неё делались большие дела, полдома она сдавала под медпункт, и тоже шли деньги. У Тани и Анисья поработала пять лет, за что и осталась вообще без пенсии, поскольку не доработала в колхозе до положенных двадцати пяти лет, а пять лет подметания в медпункте не считаются для выплаты пенсии как рабочему. Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт, и всё было закрыто, и мама быстро пешком дотопала двадцать пять километров до Моря с напуганной Анисьей, и Анисья с новым рвением принялась копать, рубить в лесу, таскать сучья и стволы к себе в дом: спасалась от перспективы голодной смерти, которая ожидала бы её в случае безделья, и живой пример тому являла Марфутка, которой было восемьдесят пять лет, и она уже не топила в избе, а картофель, который она кое-как перетаскала к себе в дом, за зиму замёрз и теперь лежал гнилой мокрой кучкой — всё-таки Марфутка за зиму кое-что подъела, да и со своим единственным добром, гнилой картошкой, не желала расставаться, хотя мама меня к ней однажды

послала с лопатой всё это выскрести. Но Марфутка не открыла мне дверь, разглядев в заткнутое тряпками окно, что я иду с заступом. Марфутка то ли ела картошку сырой при полном отсутствии зубов, то ли разводила огонь, когда никто не видел, — неизвестно. Дров у неё не было ни полена. Весной Марфутка, закутанная во множество сальных шалей, тряпок и одеял, являлась к Анисье в тёплый дом и сидела там как мумия, ничего не говоря. Анисья её и не пыталась угощать, Марфутка сидела, я посмотрела однажды ей в лицо, вернее в тот участок её лица, который был виден из тряпья, и увидела, что лицо у неё маленькое и тёмное, а глаза как мокрые дырочки. Марфутка пережила ещё одну зиму, но на огород она уже не выходила и, видимо, собиралась умирать с голоду. Анисья простодушно сказала, что Марфутка прошлый год ещё была хорошая, а сегодня совсем плохая, уже носочки затупились, смотрят в ту сторону. Мать взяла меня, и мы посадили Марфутке картошки так с полведра, а Марфутка смотрела за нами с задов своего домишки и беспокоилась, видно, что мы захватили её огородик, но доползти до нас она не посмела, мать сама пошла к ней и дала ей полведра картошки. Видимо, Марфутка поняла, что её огород покупают за полведра картошки, и не стала брать картошку, сильно испугавшись. Вечером мы с мамой и папой пошли к Анисье за козьим молоком, а Марфутка сидела там. Анисья же сказала нам, что она нас видела на Марфином огороде. Мама ей ответила, что мы решили помочь бабе Марфе. Анисья же возразила, что Марфутка собралась на тот свет, нечего ей помогать,

она найдёт дорогу. Надо сказать, что Анисье мы платили не деньгами, а консервами и пакетами супов. Долго это продолжаться не могло, молоко у козы было и прибывало с каждым днём, а консервами мы только и питались. Надо было установить более жёсткий эквивалент, и мама сказала тут же после разговора с Анисьей, что консервы кончаются, есть нам самим нечего, так что молоко покупать не будем. Анисья, человек смекалистый, ответила, что завтра принесёт нам баночку молока и поговорим, может, если у нас есть картошка, тогда поговорим. Анисья, видимо, злилась на то, что мы тратим картофель на Марфутку, а не на покупку молока, она не знала, сколько мы извели картофеля на Марфуткин огород в голодное весеннее время (месяц май — месяц ай), и воображение у неё работало, как мотор. Видимо, она прорабатывала варианты Марфуткиного скорого конца, и рассчитывала снять урожай за неё, и заранее сердилась на нас, владельцев посаженного картофеля. Всё становится сложным, когда речь идёт о выживании в такие времена, каковыми были наши, о выживании старого немощного человека перед лицом сильного молодого семейства (матери и отцу было по сорок два года, мне восемнадцать).

Вечером к нам сначала пришла Таня в городском пальто и резиновых сапогах жёлтого цвета, с новой хозяйственной сумкой в руках. Она принесла нам задавленного свиньёй поросёнка, завёрнутого в чистую тряпку. Она любопытствовала, прописаны ли мы в Море. Она сказала, что у многих домов есть владельцы и они захотят приехать, если им написать, а это не брошенные дома и брошенное добро,

и каждый гвоздь надо купить и вбить. В заключение Таня напомнила нам о перенесённой изгороди и о том, что Марфутка ещё жива. Поросёнка она предложила купить у неё за деньги, за бумажные рубли, и папа в этот вечер рубил и солил мёртвого поросёнка, который в тряпке был очень похож на ребёнка. Глазки с ресничками и тэ дэ.

Потом, после её ухода, пришла Анисья с баночкой козьего молока, и мы быстро договорились за чашкой чая о новой цене молока, за банку консервов три дня молока. Анисья с ненавистью спросила о Тане, зачем она приходила, и одобрила наше решение помочь Марфутке, хотя о Марфутке она отозвалась со смехом, что от неё пахнет.

Козье молоко и давленный поросёнок должны были уберечь нас от цинги, кроме того, у Анисьи подрастала козочка, и мы решили её купить за десять банок консервов, но попозже, когда она чуть подрастёт, поскольку Анисья лучше понимает, как растить козлят. С Анисьей мы, правда, не переговарили, и эта старая бабка, помешавшись на почве ревности к своей бывшей заведующей Тане, пришла к нам торжественная, с убитой козочкой в чистой тряпке. Две банки рыбных консервов были ей ответом на её дикое поведение, а мама заплакала. Мы попробовали, сварили свежего мяса, но есть его было невозможно почему-то, папа его опять-таки засолил.

Козочку мы всё-таки купили с мамой, отшагав десять и десять километров туда и обратно за Тарутино, в другую деревню, но мы шли как бы туристы, как бы гуляя, как будто времена остались

прежними. Мы шли с рюкзаками, пели, в деревне спросили у колодца, где попить козьего молока, купили за лепёшку хлеба баночку молока и восхитились молодыми козлятками. Я стала искусно шептать маме, как будто я прошу козлёночка. Хозяйка сильно возбудилась, предчувствуя бизнес, но мама на ухо же мне отказала, тогда хозяйка льстиво похвалила меня, сказав, что любит козлят как родных детей и потому мне бы отдала в руки обоих. Но я сказала: «Что вы, мне одну козочку». Быстро сторговались, тётка явно не знала нынешнего счёта деньгам, и взяла мало, и даже дала нам комочек каменной соли в дорогу. Видимо, она была убеждена, что сделала выгодное дело, и действительно, козочка быстро начала у нас хиреть, перемучившись в дороге. Положение поправила всё та же Анисья, она взяла козлёнка к себе, предварительно вымазав его своей дворовой грязью, и коза приняла козлёнка как своего, не убила. Анисья просто цвела.

Самое основное теперь у нас было, но мой неугомонный хромой отец начал уходить каждый день всё в лес и в лес. Он уходил с топором, с гвоздями, с пилой, с тачкой, уходил на рассвете, приходил в ночной тьме. Мы с мамой возились в огороде, кое-как продолжали отцовскую работу по сбору оконных рам, дверей и стёкол, потом мы всё-таки готовили, убирали, носили воду для стирки, что-то шили. Из старых, свалывшихся тулупов, найденных по домам, мы шили что-то типа пимов на зиму, шили рукавицы, сделали для кроватей меховые подстилки. Отец, когда увидел такую подстилку ночью, нащупал под собой, мгновенно скатал все

три штуки и утром увёз на тачке. Похоже было, что отец готовит ещё одно логово, только в лесу, и это оказалось потом очень и очень кстати. Хотя потом оказалось также, что никакой труд и никакая предусмотрительность не спасут от общей для всех судьбы, спасти не может ничто кроме удачи.

Тем временем мы прожили самый страшный месяц июнь (месяц ау), когда припасы в деревне обычно кончаются. Мы жрали салат из одуванчиков, варили щи из крапивы, но в основном щипали траву и носили, носили, носили в рюкзаках и сумках. Косить мы не умели, да и трава ещё не очень поднялась. Анисья в конце концов дала нам косу (за десять рюкзаков травы, а это немало), и мы с мамой по очереди косили. Повторяю, мы жили далеко от мира, я сильно тосковала по своим подругам и друзьям, но ничто уже не доносилось до нашего дома, отец, правда, слушал радио, но редко: берёт батареек. По радио передавалось всё очень лживое и невыносимое, но мы косили и косили, наша козочка Рая подрастала, надо было ей подыскивать козлика, и мы пошли опять в ту же деревню, где проживала наша владелица ещё одного козлёнка. А ведь она нам его навязывала тогда, а мы и не знали подлинной ценности козлёнка! Хозяйка козлёнка встретила нас неприветливо, все уже о нас всё знали, но не знали, что у нас есть козочка: наша Райка воспитывалась у Анисьи. Поэтому хозяйка встретила нас неприветливо: она нам продала, а мы не уберегли, наше дело. Козлёнка она не стала продавать, муки у нас уже не было, ни муки, ни лепёшек — да и её козлёнок весил уже много, и три кило

свежего мяса стоили неизвестно сколько в то голодное время. Договорились мы только на том, что отдаём ей кило соли и десять брусков мыла. Но это для нас была цена будущего молока, и мы сбегали домой за всем этим делом, предупредив хозяйку, что нам нужен живой козлёнок. «А что я буду, мारаться для вас», — ответила хозяйка. К вечеру мы принесли козлёнка домой, и пошли суровые летние будни: сенокос, прополка огорода, окучивание картофеля, и всё в одном ритме с Анисьей... По договорённости мы брали у Анисьи половину козьих катышков и кое-как удобряли почву, но росло у нас плохо и мелко. Бабка Анисья, освобождённая от сенокоса, привязавши козу и весь козий детский сад в пределах нашей видимости, бегала за грибами и ягодами, заходила к нам и принимала нашу работу. Пришлось заново посеять укроп, который мы посеяли слишком глубоко, а он был нужен для засолки огурцов. Картофель ударился в ботву. Мы с матерью читали книгу «Справочник садово-огородного хозяйства», а отец наконец-то закончил свои работы в лесу, и мы пошли смотреть его новое жильё. Это оказалась чья-то избушка, отец её то ли подновил, во всяком случае проконопатил, вставил рамы, стёкла, двери, покрыл крышу толем. В доме было пусто. Все следующие ночи мы возили туда столы, лавки, лари, бадейки, чугушки и оставшиеся припасы, всё прятали, отец же рыл там погреб и чуть ли не подземную землянку с печью, третий дом по счёту. У отца уже цвело в огородике.

За лето мы с матерью стали грубыми крестьянками с толстыми пальцами на руках, с толстыми

грубыми ногтями, в которые въелась земля, и, что самое интересное, у основания ногтей возникли как бы валики, утолщения или наросты. Я заметила, что у Анисьи то же самое, и у бездеятельной Марфутки те же руки, и у Татьяны, самой большой нашей барыни и медработника, была та же картина. Кстати говоря, постоянная посетительница Тани пастушиха Верка повесилась в лесу, пастушихой она уже не была, стадо всё съели, и Анисья очень грешила на Таню и выдала нам её тайну, что Таня давала Верке не чаю, а какого-то лекарства и Верка не могла без него жить и из-за этого повесилась, платить стало нечем. Верка оставила маленькую дочь, и без отца при этом. Анисья, поддерживавшая сношения с Тарутином, рассказала, что эта девочка живёт у бабушки, потом выяснилось далее из того же торжествующего рассказа Анисьи, что эта бабушка вроде нашей Марфуты красавица, только ещё и пьющая, и трёхлетний ребёнок, совершенно уже без памяти, был привезён мамой к нам в дом в старой детской коляске. Маме всегда было больше всех надо, отец злился, девочка мочилась в кровать, ничего не говорила, сопли слизывала, слов не понимала, ночью плакала часами. И от этих ночных криков всем скоро не стало житья, и отец ушёл жить в лес. Делать было нечего, и всё шло к тому, чтобы отдать девочку её непутёвой бабке, как вдруг эта бабка Фаина сама пришла к нам и стала, покачиваясь, выманывать деньги за девочку и за коляску. Мать без единого слова вывела ей Лену, чистую, подстриженную, босую, но в платице. Лена вдруг упала в ноги моей матушке без крика, как взрослая, и согнулась

в комочек, охвативши мамины босые ступни. Бабка заплакала и ушла без Лены и без коляски, видимо, ушла умирать. Она шаталась на ходу и вытирала слёзы кулаком, а шаталась она не от вина, а от полного истощения, как я догадалась потом. Хозяйства у неё давно не было никакого, последнее время Верка ведь не зарабатывала ничего. Мы-то сами ели всё больше варёную траву в разных видах, с грибным супом во главе. Козлята давно жили у отца от греха подальше, колея туда заросла совсем, тем более что отец ходил с тачкой разными путями в рассуждении о будущем. Лена осталась жить с нами, мы отливали ей молока, кормили ягодами и нашими грибными шами. Всё становилось гораздо страшнее, когда мы начинали думать о зиме. Хлеба — ни муки, ни зерна — не было, ничего в округе не было посеяно, ведь бензина и запчастей не водилось давно, а лошадей перебили ещё раньше, пахать оказалось не на чем. Отец походил пособирал каких-то случайных уцелевших колосьев на бывших полях, но перед ним уже прошлись, и не раз, ему досталось немного, мешочек зёрен. Он рассчитывал освоить в лесу озимый сев на поляне невдалеке от избушки, выпрашивал у Анисьи сроки, и она обещала ему сказать, когда и как сеют, как пашут. Лопату она отвергла, а сохи не было нигде. Отец попросил её нарисовать соху и стал, совсем как Робинзон, сколачивать какую-то штуку. Анисья сама плохо помнила все подробности, хотя ей и приходилось во времена оны ходить за коровой с сохой, а отец загорелся инженерной идеей и сел изобретать этот велосипед. Он был счастлив своей новой судьбой и не

вспоминал о городе, в котором оставил много врагов, в том числе и своих родителей, моих бабушку и дедушку, которых я видала только в глубоком детстве, а дальше всё утонуло в скандалах из-за моей мамы и дедовской их квартиры, провалились она пропадом, с генеральскими потолками, сортиром и кухней. Нам в ней не привелось жить, а теперь, наверное, мои бабушка и дедушка были уже трупами. Мы никому ничего не сказали, когда убирались из города, хотя отец готовился к отъезду долго, откуда у нас и набрался полный кузов мешков и ящиков. Всё это были вещи недорогие и в своё время недефицитные, отец мой, человек дальновидный, собирал их в течение нескольких лет, когда они действительно были недорогими и недефицитными. Мой отец, бывший спортсмен, турист-альпинист, геолог, повредивший ногу в бедре, давно жил жаждой уйти, и тут обстоятельства совпали с его всё развивающейся манией бегства, и мы бежали, когда всё ещё было безоблачно. «Над всей Испанией безоблачное небо», — шутил отец буквально в каждое хорошее утро.

Лето выдалось прекрасное, всё зрело, наливалось, наша Лена начала разговаривать, бегала за нами в лес, не собирала грибы, а именно бегала за мамой как пришитая, как занятая главным делом жизни. Напрасно я приучала её замечать грибы и ягоды, ребёнок в её положении не мог спокойно жить и отделяться от взрослых, она спасала свою шкуру и всюду ходила за мамой, бегала за ней на своих коротких ногах, с раздутым своим животиком. Лена называла маму «няня», откуда она взяла

это слово, мы ей его не говорили. И меня она называла «няня», очень остроумно, кстати.

Однажды ночью мы услышали за дверью писк как бы котёнка и обнаружили младенца, завернутого в старую, замасленную телогрейку. Отец, который притерпелся к Лене и даже приходил к нам днём кое-что поделывать по хозяйству, тут ахнул. Мать была настроена сурово и решила спросить Анисью, кто это мог сделать. С ребёнком, ночью, в сопровождении молчаливой Лены, мы отправились к Анисье. Она не спала, она тоже слышала крик ребёнка и сильно тревожилась. Она сказала, что в Тарутино пришли первые беженцы и что скоро придут и к нам, ждите ещё гостей. Ребёнок пищал, пронзительно и безостановочно, у него был твёрдый вздутый живот. Таня, приглашённая утром для осмотра, сказала, даже не притронувшись к ребёнку, что он не жилец, что у него «младенческая». Ребёнок мучился, орал, а у нас даже не было соски, чем кормить, мама капала ему в пересохший ротик водичкой, он захлебывался. Было ему на вид месяца четыре. Мама сбегала хорошим маршем в Тарутино, выменяла соску у аборигенов на золотую кучку соли и прибежала назад бодрая, и ребёнок выпил из рожка немного воды. Мама сделала ему клизму, даже с ромашкой, мы все, не исключая и отца, бегали, носились, грели воду, поставили ребёнку грелку. Всем было ясно, что надо бросать дом, огород, налаженное хозяйство, иначе нас накروют. Бросать огород значило умирать голодной смертью. Отец на семейном совете сказал, что в лес переселяемся мы, а он с ружьём и Красивой поселяется в сарае у огорода.

Ночью мы тронулись с первой партией вещей. Мальчик, которого назвали Найдён, ехал на тачке на узлах. На удивление всем, он после клизмы опростался, затем пососал разведённого козьего молока и теперь ехал в овечьей шкуре, притороченной к тачке. Лена шла, держась за узды.

К рассвету мы пришли в свой новый дом, отец тут же сделал второй заход, потом третий. Он, как кошка, таскал в зубах всё новых котят, то есть все свои нажитые горбом приобретения, и маленькая избушка оказалась заваленной вещами. Днём, когда все мы, замученные, уснули, отец отправился на дежурство. Ночью он привёз тачку вырытых ещё молодых овощей, картофеля, моркови и свёклы, репки и маленьких луковок, мы раскладывали это в погребке. Тут же ночью он снова ушёл и вернулся чуть ли не бегом с пустой тачкой. Прихромал, понурый, и сказал: всё! Ещё он принёс баночку молока для мальчика. Оказалось, что наш дом занят какой-то хозкомандой, у огорода стоит часовая, у Анисьи свели козу в тот же наш бывший дом. Анисья с ночи караулила отца на его боевой тропе с этой баночкой вечерошнего молока. Отец хоть и горевал, но он и радовался, потому что ему опять удалось бежать, и бежать со всем семейством.

Теперь вся надежда была на маленький огород отца и на грибы. Лена сидела в избушке с мальчиком, в лес её не брали, запирали, чтобы не срывала темпа работ. Как ни странно, вдвоём с мальчиком она сидела, не билась об дверь. Найдён всюю пил отвар из картофеля, а мы с матерью рыскали по лесам с кошёлками и рюкзаками. Грибы мы уже не

солили, а только сушили, соли почти не было. Отец рыл колодец, ручей был далековато.

На пятый день нашего переселения к нам пришла бабка Анисья. Она пришла пустая, без ничего, только с кошкой на плече. Глаза у Анисьи смотрели странно. Анисья посидела на крыльчке, держа испуганную кошку в подоле, потом подхватила и ушла в леса. Кошка забила под крыльцо. Анисья вскоре принесла полный передник грибов, среди них лежал и мухомор. Анисья осталась сидеть у нас на крыльце и не пошла в дом. Мы ей вынесли нашего пустого супу в баночке из-под её же молока. Вечером отец отвёл Анисью в землянку, где у нас был третий запасной дом, Анисья отлежалась и начала бодро рыскать по лесам. Грибы я у неё отбирала, чтобы она не отравилась. Часть мы сушили, часть выбрасывали. Однажды днём, вернувшись из леса, мы нашли наших приёмьшей всех вместе на крыльце. Анисья качала Найдёна и вообще вела себя как человек. Её словно прорвало, она рассказывала Лене: «Всё перешевыряли, всё унесли... К Марфуте даже не сунулись, а у меня всё взяли, козу свели на верёвочке...»

Анисья ещё долго была полезной, пасла наших коз, сидела с Найдёном и Леной до самых морозов. А потом Анисья легла с детьми на печку и слезала только на двор. Зима замела снегом все пути к нам, у нас были грибы, ягоды сушёные и варёные, картофель с отцовского огорода, полный чердак сена, мочёные яблоки с заброшенных в лесу усадеб, даже бочонок солёных огурцов и помидоров. На делянке, под снегом укрытый, рос озимый хлеб. Были козы. Были мальчик и девочка для продолжения

человеческого рода, кошка, носившая нам шалых лесных мышей, была собака Красивая, которая не желала этих мышей жрать, но с которой отец надеялся вскоре охотиться на зайцев. С ружьём отец охотиться боялся, он боялся даже дрова рубить из-за опасений, что нас засекут по звуку. В глухие метели отец рубил дрова. У нас была бабушка, кладезь народной мудрости и знаний. Вокруг нас простирались холодные пространства.

Отец однажды включил приёмник и долго шарил в эфире. Эфир молчал. То ли сели батарейки, то ли мы действительно остались одни на свете. У отца блестели глаза: ему опять удалось бежать!

В случае, если мы не одни, к нам придут. Это ясно всем. Но, во-первых, у отца есть ружьё, у нас есть лыжи и есть чуткая собака. Во-вторых, когда ещё придут! Мы живём, ждём, и там, мы знаем, кто-то живёт и ждёт, пока мы взрастим наши зёрна и вырастет хлеб, и картофель, и новые козлята, — вот тогда они и придут. И заберут всё, в том числе и меня. Пока что их кормит наш огород, огород Анисьи и Танино хозяйство. Тани давно уже нет, я думаю, а Марфутка на месте. Когда мы будем как Марфутка, нас не тронут.

Но нам до этого ещё жить да жить. И потом, мы ведь тоже не дремлем. Мы с отцом осваиваем новое убежище.

1977